

Г. Л. Соболев

Рецензия на монографию
С. В. Тютюкина «Александр Керенский.
Страницы политической биографии
(1905–1917 гг.)»¹

Должен сознаться в том, что новую книгу маститого историка, исследования которого в области политической истории России XX в. общепризнанны, я открывал с некоторым опасением, поскольку мне казалось, что вышедшая в постсоветское время обширная литература, посвященная А. Ф. Керенскому, ответила на наиболее существенные вопросы, связанные с оценкой политической деятельности одной из ключевых фигур Русской революции. Однако эти опасения развеялись по прочтении историографического введения, в котором С. В. Тютюкин убедительно показал, что политическая биография его героя далеко не исчерпана, и не только по причине пристрастий современников, но и историков.

Касаясь советской историографии, автор справедливо пишет, что ее оценки политической деятельности и человеческих качеств Керенского напоминали скорее карикатуру, чем результат научного анализа, равно как и его полное отлучение от демократии и революции и превращение в заурядного пособника буржуазии и врага трудового народа. Весьма взвешенная характеристика дана автором и постсоветской литературе, которая, по его объективному убеждению, стала «более сдержанной, а в чем-то даже сочувственной» (С. 19). Пространные комментарии и примечания, следующие в конце каждой главы рецензируемой книги, свидетельствуют не только об эрудиции ее автора, но и его специальной подготовке по освоению документальных и мемуарных источников, имеющих прямое или косвенное отношение к личности Керенского.

Говоря о том, какие страницы политической биографии Керенского удалось существенно обогатить самому С. В. Тютюкину, следует выделить его трактовку целого ряда сюжетов, связанных с деятельностью Керенского в IV Государственной думе, отношениях с арестованной царской семьей, его ролью в подготовке наступления русской армии летом 1917 г., взаимоотношениями с генералом Л. Г. Корниловым.

Важно также подчеркнуть, что в рецензируемой книге предпринята, по моему мнению, успешная попытка проанализировать и систематизировать наиболее существенные ошибки и просчеты Керенского, показать реальные трудности, с которыми он столкнулся в качестве министра, а затем и министра-председателя Временного правительства. В этой связи С. В. Тютюкин ставит вопрос о степени достоверности мемуаров Ке-

**Соболев Геннадий
Леонтьевич,**
*доктор исторических
наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
заслуженный деятель
науки РФ, почетный
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета
(Санкт-Петербург)*

ренского, и в первую очередь его книги «Россия на историческом повороте», справедливо полагая, что без этого источника «не может обойтись сегодня ни один серьезный историк России начала XX в. и особенно 1917 г.» (С. 8). Соглашаясь с автором в том, что без внимательного и вместе с тем критического анализа мемуаров Керенского трудно понять причины его немалых успехов в 1917 г., я бы добавил, что эти успехи бывший министр-председатель Временного правительства в ряде случаев сильно преувеличил — и не по причине отсутствия у него документов, а в силу вполне понятной заинтересованности и тенденциозности.

Возвращаясь к достижениям автора рецензируемой книги, хотелось бы особенно подчеркнуть, что в ней впервые в исторической литературе прослежено столь глубоко и объективно становление А. Ф. Керенского как профессионального политика. Основываясь на анализе самого широкого круга источников, С. В. Тютюкин убедительно показал, что период Первой мировой войны стал для Керенского, как и для других российских политиков того времени, важным этапом в подготовке к историческим событиям 1917 г. в России. Думская трибуна в немалой степени способствовала формированию леворадикального революционера. Автор прослеживает, как думские выступления Керенского приобретали все большую остроту и непримиримость по отношению к правящим кругам и всей социально-политической системе в целом. В итоге вывод С. В. Тютюкина о том, что к началу 1917 г. Керенский подошел как достаточно известный не только в Думе, но и далеко за ее пределами политик леворадикального направления (С. 97), выглядит достаточно убедительным. «Можно без преувеличения сказать, — пишет автор, — что без Керенского-демократа не было бы в 1917 г. и Керенского-министра и главы Временного правительства» (Там же).

В краткой, но весьма важной главе «Прорыв во власть» автор характеризует деятельность своего героя в дни Февральской революции, не без основания полагая, что Керенский проявил в те исторические дни незаурядную силу воли, решительность, смелость и умение правильно оценить обстановку и быстро принять верное решение. Эта характеристика могла бы быть более развернутой и даже противоречивой, если бы С. В. Тютюкин счел возможным здесь воспользоваться свидетельствами и мнениями тогда наблюдавших его сторонников и противников: В. Б. Станкевича, А. Я. Гальперна, А. И. Гучкова, В. Д. Набокова, П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина, Б. А. Энгельгардта и др. Что же касается попыток «болезненно честолюбивого» Керенского прорваться во власть даже ценой конфликта с Петроградским Советом, то автор справедливо замечает, что Керенский нередко стремился задним числом оправдать тот или иной свой шаг какими-нибудь «высокими» мотивами (С. 127). И в данном случае Керенский получил согласие Совета на его вхождение в состав Временного правительства после его заверения в том, что он «готов умереть, если это будет нужно».

В главе «Заложник демократии» (С. 13) С. В. Тютюкин в свойственном ему лапидарном стиле анализирует основные достижения Керенского на посту министра юстиции. Именно при нем и с его участием произошел слом угнетательной государственной машины царизма, был ликвидирован Департамент полиции МВД. В административной сфере была начата реформа местного самоуправления в городах на основе всеобщего избирательного права. Был также реформирован мировой суд, а принцип его деятельности — судья плюс два заместителя, равенство их голосов — был не только вскоре распространен из столицы на всю страну, но и был положен в основу первыми советскими декретами о суде. Наряду с демократизацией мирового суда были приняты меры по ликвидации чрезвычайных судов. Были упразднены Верховный уголовный суд и особые присутствия Правительствующего Сената, судебных палат и окружных судов с участием сословных представителей. Однако к этому все же следовало бы добавить, что важнейшие звенья старой судебной системы — окружные суды и судебные палаты — остались

нетронутыми, что позволило Временному правительству в дни июльских событий в Петрограде вести судебное преследование своих политических противников — большевиков, используя аппарат Петроградского окружного суда и Петроградской судебной палаты.

Разбираясь в скрытой от посторонних глаз, прямо-таки детективной истории соперничества Керенского и Милюкова, связанной с подготовкой и публикацией сопроводительной ноты Временного правительства союзным державам от 18 апреля 1917 г. (С. 145–150), С. В. Тютюкин приходит к важному выводу о том, что его герой отнюдь не был склонен подчиняться стихийному ходу событий, а стремился сам подготовить и «организовать» эти события, «в полной мере проявляя при этом свое гигантское честолюбие и вполне определенное стремление не останавливаться на достигнутом и двигаться к вершинам власти, применяя для достижения этой цели любые доступные ему средства» (С. 148).

В частности, в конфликте с Милюковым он сумел привлечь на свою сторону французского министра по делам вооружений социалиста Альбера Тома, прибывшего с чрезвычайной миссией в Россию в начале апреля 1917 г., чтобы поддержать Временное правительство и выяснить степень готовности русской армии к наступательным операциям. Как пишет С. В. Тютюкин, «между Тома и Керенским сразу же сложились доверительные, почти дружеские отношения, причем на остроумного и легкого в общении француза при первой же их личной встрече 11 апреля русский коллега произвел самое благоприятное впечатление не только сходством взглядов и их аргументации, но и неким “пылом”, с которым Керенский агитировал его за свою антимилюковскую позицию» (С. 144–145). Однако был еще один фактор, который сразу же их сблизил, — это негативное отношение к только что вернувшемуся из Швейцарии в Россию лидеру большевиков В. И. Ленину. Будучи в эмиграции, бывший министр-председатель Временного правительства признавал в начале 30-х гг., что мысль устроить судебную расправу над Лениным и большевиками возникла у него в результате встречи с Альбером Тома, который посоветовал ему называть большевиков «агентами германского Генерального штаба»². Позднее Керенский развил эту мысль и стал утверждать, что Альбер Тома «привез с собой и передал князю Львову некоторую в высшей степени важную информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами»³. Как явствует теперь из опубликованных документов, Альбер Тома в апреле 1917 г. не располагал какими-либо конкретными и тем более достоверными сведениями относительно тайных связей большевиков с Германией, и потому он вряд ли мог сообщить тогда главе Временного правительства Г. Е. Львову «некоторую в высшей степени важную информацию». Как теперь выясняется, французский военный атташе в Швеции в шифрограмме от 24 июня 1917 г. в Военное министерство Франции сообщал, что «...Г. Альбер Тома проездом через Стокгольм дал указание доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги...»⁴ Так начиналась тайная операция по сбору компромата на Ленина и его сторонников, которая будет использована в дни июльских событий в Петрограде.

В рецензируемой книге поставлен и чрезвычайно важный вопрос о взаимоотношениях Керенского с Петроградским Советом и советской системой в целом. Как полагает автор, «роковой конфликт Керенского с советской системой шел по нарастающей, и осенью 1917 г. принял поистине катастрофический для него характер» (С. 144). После первого же конфликта с Исполкомом Петроградского Совета, возникшего 7 марта 1917 г. в связи с заявлением Керенского в Москве по поводу судьбы бывшего царя и закончившегося его поражением, он стал уклоняться от контактов с лидерами Совета, предпочитая в необходимых случаях обращаться за содействием к председателю Совета Н. С. Чхеидзе через посредников — «братьев» по масонской ложе. Дело дошло до того, что однажды делегация Исполкома во главе с И. Г. Церетели явилась к Керенскому домой, чтобы напомнить ему,

что он состоит в правительстве как представитель Совета, и потому должен осведомлять Совет о всех действиях правительства. Здесь нельзя не согласиться с автором в том, что Керенский «в полной мере так и не осознал значения и последствий закономерного в условиях России 1917 г. возникновения феномена двоевластия в результате свержения царизма» (С. 143). Это объясняет тот факт, что какого-либо законодательного акта о Советах как важнейших общественных органах нового строя не было принято, и он даже не разрабатывался. Керенский и Временное правительство исходили молчаливо из предположения, что Советы, как конкуренты по государственной власти, должны были исчезнуть, или будут ликвидированы по мере усиления власти самого правительства⁵.

Показательно, что став военным и морским министром, Керенский своим приказом «О правах военнослужащих» от 11 мая 1917 г., получившим потом название «Декларации прав солдата», попытался «законным путем» освободить армию от контроля Советов. И хотя ему даже удалось добиться того, что все комиссары в армии с этого времени должны были назначаться и смещаться военным министром, восстановить боеспособность русской армии, уставшей от изнурительной войны, было не под силу и министру «революционной демократии». Хотя поначалу многим казалось, что именно Керенский и есть та фигура, которая сможет обуздать солдатскую стихию. Как показано в рецензируемой книге, предпринятая им в мае 1917 г. поездка на Юго-Западный фронт укрепляла иллюзию, будто главная задача в создавшейся ситуации — это эффективная идейно-политическая работа в армии. Шумные успехи Керенского на фронте и в тыловых гарнизонах в роли «главноуправляющего», замечает в связи с этим С. В. Тютюкин, стали «важной частью всюду проходившего тогда процесса формирования в России культа личности Керенского» (С. 172). Однако пронизательные современники, одним из которых, несомненно, был генерал А. И. Деникин, не могли не заметить, что временами «толпа поворачивала к нему лик зверя, от вида которого слова останавливались в горле и сжималось сердце»⁶. Разумеется, этого не мог не замечать и сам Керенский, возлагавший все надежды на планировавшееся в июне 1917 г. наступление русской армии по всему фронту боевых действий с Германией и Австро-Венгрией.

По мнению С. В. Тютюкина, провал начавшегося 18 июня 1917 г. наступления русской армии на Юго-Западном фронте стал серьезным ударом по престижу Керенского. «Самонадеянность и излишняя самоуверенность сыграли и на этот раз злую шутку, — пишет он, — эффект от его патриотических речей, обращенных к солдатам и офицерам, оказался кратковременным и не сумел поднять у них наступательного духа» (С. 294). Разразившийся в результате поражения русской армии острейший политический кризис как в самом Временном правительстве, так и в стране в целом, позволил Керенскому, как это ни покажется парадоксальным, не только сохранить свой пост военного министра, но и «осуществить наконец свою давнюю мечту возглавить Российское государство» (С. 295). И здесь, подчеркивает автор, не обошлось без помощи лидеров Советов и министров-социалистов, которые выдвинули целый ряд радикальных требований, с которыми решительно не согласился министр-председатель Г. Е. Львов, и подал в отставку. Еще раньше из правительства ушли представители конституционно-демократической партии. 8 июля 1917 г. главой оставшейся части правительства стал Керенский. Состоявшееся на следующий день объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов объявило правительство Керенского «правительством спасения революции», наделив его неограниченными полномочиями.

В оценке последнего периода деятельности Временного правительства, когда его возглавил Керенский, историки особенно пристрастны. Если советская историография в течение длительного времени отстаивала тезис о закономерности краха «керенщины» и неизбежности перехода всей государственной власти в руки Советов, руководимых партией большевиков во главе с Лениным⁷, то современные

апологеты Керенского все сводят к германо-большевистскому заговору, прервавшему успешное развитие России по демократическому пути⁸. Хорошо знакомый с самыми различными точками зрения на эту действительно непростую проблему, автор рецензируемой книги стремится дать свою более взвешенную оценку Керенского как политического деятеля и человека. По его мнению, «назначение Керенского на пост главы правительства, которого он так жаждал сам и которое старательно готовил, было последней ставкой российских “верхов” на стабилизацию ситуации в стране в целом еще демократическими, но не останавливающимися уже и перед применением силы методами» (С. 189).

Отвечая на вопрос, почему А. Ф. Керенский оказался не в состоянии «отработать» этот аванс, С. В. Тютюкин акцентирует здесь внимание на личностных качествах своего героя: «...жизнь жестоко мстила новому премьеру за самонадеянность и тщеславие, а его прыжок в премьерское кресло напоминал прыжок в политический омут, который накрыл его с головой» (С. 190). Однако в 1917 г. даже политические противники Керенского продолжали рассматривать его как «сильную личность». Показательно, что на состоявшемся 21 июля 1917 г. совместном заседании Временного правительства с лидерами кадетов по вопросу о формировании полного состава второго коалиционного правительства Милюков предложил «немедленно предоставить А. Ф. Керенскому, который обладает всем необходимым авторитетом и всеми качествами для этой задачи, составить кабинет из тех лиц, которых он сочтет нужным пригласить»⁹.

Однако если исходить не из неоправдавшихся политических расчетов и оценок современников 1917 г., а опираться на реальные факты, то вряд ли можно не согласиться с С. В. Тютюкиным в том, что с лета 1917 г. в действиях Керенского проявлялось все больше дилетантизма, и даже прямого авантюризма. Явно преувеличивая свою роль в революции, он самонадеянно видел в своей единоличной власти якобы самую надежную гарантию защиты ее завоеваний (С. 295). Конечно, нельзя не признать, что Керенский сумел в отчаянной борьбе за власть переиграть генерала Корнилова в августе 1917 г. Проследившая перипетии этой борьбы, сопоставляя различные точки зрения политиков и историков, С. В. Тютюкин приходит, по моему мнению, к обоснованному выводу о том, что «антиправительственный заговор в военной среде, несомненно, имел место, но организован он был очень неумело, по дилетантски. Присваивать ему имя Корнилова можно лишь с большой натяжкой, и в настоящий мятеж он не вылился. Победили в этих событиях демократические силы, а не Керенский, и это по существу предрешило его падение в октябре 1917 г.» (С. 251).

Подводя итоги, С. В. Тютюкин считает необходимым еще раз подчеркнуть, что Керенский за время своего пребывания у власти допустил немало серьезных ошибок и просчетов, о которых он сам в разное время писал по-разному. В связи с этим в рецензируемой книге приводится недавно опубликованная запись 1961 г. в блокноте Керенского, где бывший глава Временного правительства называет совершенные им в 1917 г. ошибки (не принял своевременно меры к аресту Ленина после его возвращения из эмиграции; принял пост военного и морского министра без предварительных консультаций со штабом Верховного главнокомандующего в Ставке; не сместил генерала Корнилова сразу же после предъявления им ультиматума; восстановил смертную казнь на фронте; не сказал на Государственном совещании правду о заговоре Корнилова; не порвал вовремя с партией социалистов-революционеров) (С. 298). Соглашаясь в принципе с этими ошибками, автор приводит и другие, «еще более серьезные политические просчеты Керенского»: неоправданное затягивание выборов в Учредительное собрание и отказ от проведения до решений последнего крупных социальных реформ; упорное продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией; переоценка степени угрозы Временному правительству со стороны правых, контрреволюционных сил; нежелание покинуть пост главы правительства после начала корниловского

путча; кадровые ошибки, в том числе и откровенная слабость второго и третьего составов Временного правительства; фактический паралич деятельности Керенского в решающий период сентября – октября 1917 г. (С. 299). Хотя в заключении С. В. Тютюкин приходит к выводу, что «культивировавшийся в свое время Керенским взгляд на себя как национального лидера и выдающегося политического деятеля не выдержал на сегодняшний день испытания временем», необходимо еще раз подчеркнуть, что в рецензируемой книге он выступает не как пристрастный обличитель, а как объективный исследователь. И потому нарисованный им портрет Керенского отличается существенной новизной от традиционного.

¹ Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2012. 309 с.

² Последние новости (Париж). 1932. 11 июня.

³ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 220.

⁴ Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 144.

⁵ См.: Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 243–245.

⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. Париж, 1922. С. 233.

⁷ См.: Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982. С. 262.

⁸ См.: Кузнецов В. И. Они предали Россию // Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. СПб., 2001. С. 5–58.

⁹ См.: Известия. 1917. 22 июля.

Sobolev G. L. Review on: Tyutyukin S. V. Aleksandr Kerenskij. Stranicy politicheskij biografii (1905–1917)

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, Honored High School Educationalist of Russian Federation, Honored Science Worker of Russian Federation, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); gsobolev@mail.ru

REFERENCES:

¹ Tyutyukin S. V. Aleksandr Kerenskij. Stranicy politicheskij biografii (1905–1917 gg.). Moscow, 2012.

² Poslednie novosti (Paris). 1932. 11 June.

³ Kerenskij A. F. Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary'. Moscow, 1993.

⁴ Popova S. S. Mezhdru dvumya perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o soby'tiyax leta 1917 goda v Petrograde (po francuzskim i rossijskim arxivny'm istochnikam). Moscow, 2010.

⁵ Starcev V. I. Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava. Leningrad, 1980.

⁶ Denikin A. I. Oчерki russkoj smuty'. T. 1. Vy'p. 2. Paris, 1922.

⁷ Starcev V. I. Kraх kerenshhiny'. Leningrad, 1982.

⁸ Kuznecov V. I. Oni predali Rossiyu // Tajna Oktyabr'skogo perevorota. Lenin i nemecko-bol'shevistskij zagovor. St. Petersburg, 2001.

⁹ Izvestiya. 1917. 22 July.